

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XXVI

ДРЕВНЕРУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
И РУССКАЯ
КУЛЬТУРА
XVIII—XX ВВ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград • 1971

ПРЕДИСЛОВИЕ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА НОВОГО ВРЕМЕНИ И ДРЕВНЯЯ РУСЬ

История культуры движется и развивается не только путем изменений внутри этой культуры, но и путем накопления культурных ценностей. Ценности культуры не столько меняются — сколько создаются, собираются или утрачиваются.

Особенное значение имеет отношение одной культуры к другой, формы и типы усвоения предшествующих или иностранных культур.

Великий и классический пример жизни культуры в других культурах представляет собой античность.

Ценности античности пережили различные трансформации в европейской культуре и постоянно обогащали ее собой. Первый этап усвоения античности — это период «варварской культуры», варварского стиля VI—X вв., приведший к «Каролингскому ренессансу». Второй этап — обращение античности в недрах романского стиля. Новой стороной античность вошла в готическое искусство, которое отнюдь не было ей чуждо. Ренессанс представляет собой по существу «четвертое открытие античности». Пятое открытие античности наступило в конце XVIII в. и было особенно интенсивным в начале XIX в. В этом новом открытии античности, как и во всех предшествующих, играли роль не только ученые, но и философы, писатели, архитекторы, скульпторы, живописцы и т. д. Ученые сочинения Винкельмана, литературные произведения Гете и Шиллера, живопись Давида и Менгса и многих других, а в России — Гнедич, Ф. Толстой, Мартос и многие другие — были теми ступенями, с помощью которых поднималось наше усвоение античности, а вместе с тем и наша собственная, европейская культура.

Однако усвоение античности — не единственный пример обращения к предшествующим культурам: барокко обращается не только к античности, но и к готике, романтизм обращается к готике и барокко и т. д. Для каждого культурного единства характерно свое, своеобразное обращение к прошлому и свой выбор питающих его культур.

Для России XVIII—XX вв. одним из основных вопросов ее культурного своеобразия был вопрос об отношении русской культуры нового времени к культуре древней Руси.

Это отношение новой России к древней также прошло несколько этапов, каждый из которых оставил свой след в развитии поэзии, литературы, живописи, архитектуры и философии, а также в общественной мысли нового времени.

Первым этапом отношения к древней Руси была сама Петровская эпоха. Всем своим существом Петровская эпоха была выражением отношения новой России к древней. Этап этот ждет еще своих исследований.

И современники Петра и последующие поколения ясно ощущали, что политические успехи Петра создали из старой Руси новое европейское

государство. Это уже было высказано канцлером Петра графом Головкиным, И. И. Неплюевым и др. Петр воспринимался как творец современной России, и эта современная Россия казалась полной противоположностью древней.

Однако те представления о древней Руси, которыми в основном живет XIX век и которые до сих пор чрезвычайно распространены, в основном сложились в первой половине XIX в. (вернее, в первой четверти XIX в.).

Это было время начала научной разработки русской истории. Но только начало. Искусство, письменность, быт древней Руси еще не были изучены. Петровские реформы оставались злобой дня еще и в первой половине XIX в., и оценка древней Руси в начале XIX в. была неразрывно связана с оценкой петровских реформ.

Древняя Русь воспринималась через петровские реформы. Больше того, петровские реформы заслоняли собою древнюю Русь.

Люди XIX в. повсюду видели вокруг себя то, что было реформировано Петром, и то, что оставалось нетронутым его преобразованиями. Нетронутыми петровскими реформами оказались по преимуществу низшие слои общества — крестьяне. И вот отсюда у людей XIX в. сложилось впечатление, что быт крестьян и вообще быт низших слоев населения это и есть быт древней Руси; культурный уровень крестьян — это культурный уровень древней Руси.

Далее. Петр был действительным, активным началом в русской жизни; поэтому по контрасту с его деятельностью вся допетровская Русь представлялась неподвижной, косной, замшелой.

Далее. Петр обратил Русь к Западной Европе, поэтому допетровская Русь представлялась отгороженной от Европы китайской стеной.

Далее. Русь конца XVII в., т. е. непосредственно предпетровская, отождествлялась со всей Русью. Как будто бы забывалось, что древняя Русь имеет семивековое развитие. Так возникло частично сохраняющееся еще и сейчас в обывательской среде отождествление быта, нравов, искусства конца XVII в. с культурой всей древней Руси на всем протяжении ее развития.

О чем бы и о какой бы эпохе древней Руси ни писалось (о Киевской Руси, о Москве, о Пскове, о XII, о XIII, о XV вв.) — всюду древняя Русь изображалась предпетровской — XVII века.

В развитии этих представлений о древней Руси существенное значение имела записка Н. М. Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Она была написана им в 1811 г., но стала широко известной с 30-х годов XIX в., после опубликования ее в заграничной печати. Именно в этой записке Н. М. Карамзина было высказано то ошибочное положение, которое стало затем избитым местом во всех суждениях о древней Руси, — о едином, неизменном и крестьянском характере культуры древней Руси. Крестьянин XIX в. был полностью отождествлен со всеми людьми древней Руси от верха и до низу. «Петр ограничил свое преобразование дворянством, — писал Карамзин. — Дотоле, от сохи до престола, россияне сходились между собою некоторыми общими признаками наружности и в обыкновениях. Со времен Петровых, высшие степени (т. е. высшие слои населения, — Д. Л.) отделились от нижних, и русский земледелец, мещанин, купец увидел немцев в русских дворянах».

Суждения Карамзина отразились и во взглядах славянофилов и во взглядах их противников. И так называемые западники, и славяно-

филы одинаково выделяли основные признаки культуры древней Руси, но только у одних эти признаки стояли со знаком минус, а у других — со знаком плюс.

Именно такие представления о древней Руси мы встретим и у Белинского,¹ и у славянофилов. Славянофилы видели в Руси «земское», т. е. в их понимании «мужицкое», царство, земледельческое по преимуществу. Ведь не случайно представитель древнего русского рода — Рюрикович по происхождению, ценивший в себе эту древность рода, — К. С. Аксаков ходил в крестьянской поддевке и по-крестьянски стригся в кружок, полагая, что так делали все в древней Руси.

На основании наблюдений современного славянофилам крестьянства они создали знаменитую теорию общинного земаспользования, объявленную «нравственным союзом людей».² Идеализировались верования, быт и нравы крестьянства, подражать которым стремились славянофилы. Крестьянский, замкнутый, неподвижный и «бессознательный» характер культуры древней Руси подчеркивался в их статьях. Ив. Киреевский писал: «... до сих пор национальность наша была национальность необразованная, грубая, китайски-неподвижная».³ Он отрицал существование искусства в древней Руси.⁴ Существование искусства в древней Руси отрицали и Григорович и другие славянофилы. Ив. Киреевский почти не расходится с Белинским, говорившим об «азиатской созерцательности» древней Руси, но только высказывает это другими словами. Он пишет о «естественных, простых и единодушных отношениях», о законах, вылившихся «из бытового предания и из внутренних убеждений».⁵ Он говорит о «простоте жизненных потребностей» в древней Руси,⁶ о «тяжелом закоснении», об «оцепенении духовной деятельности», которое было следствием татарского ига.⁷ Он отмечает простонародный, крестьянский характер народности: «... у нас искать национального, значит искать необразованного».⁸

То же повторяет Киреевский и в статье «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России». По мнению Киреевского, просвещение России следует искать «в нравах, обычаях и образе мыслей простого народа».⁹ «Русский быт, созданный по понятиям прежней образованности и проникнутый ими, еще уцелел, почти неизменно, в низших классах народа».¹⁰ Ив. Киреевский в статье «Девятнадцатый век» писал: «Какая-то китайская стена стоит между Россиею и Европою, и только сквозь некоторые отверстия пропускает к нам воздух просвещенного Запада; стена, в которой Великий Петр ударом сильной руки пробил широкие двери».¹¹

Знаменательно, что это было написано Киреевским в 1832 г., а в 1833 г. Пушкин создавал «Медного всадника», где писал об окне

¹ См.: В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. XII, М.—Л., стр. 261.

² К. С. Аксаков. Сочинения исторические. М., 1889, стр. 58.

³ И. В. Киреевский. Горе от ума — на Московском театре (1832). — В кн.: И. В. Киреевский, Полн. собр. соч. в двух томах, т. 2, М., 1911, стр. 60—61.

⁴ И. В. Киреевский. Письмо А. И. Кошелеву (1828). — Там же, стр. 215.

⁵ И. В. Киреевский. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (1852). — Там же, т. 1, М., 1911, стр. 207.

⁶ Там же, стр. 218.

⁷ И. В. Киреевский. Девятнадцатый век (1832). — Там же, стр. 102.

⁸ Там же, стр. 105.

⁹ Там же, стр. 174.

¹⁰ Там же, стр. 203.

¹¹ Там же, стр. 95.

в Европу, ссылаясь, впрочем, в примечании не на Киреевского, а на Альгаротти.¹²

Так же как и Белинский, Ив. Киреевский рассматривает Новгород и Псков как историческую случайность. «У нас также были Новгород и Псков; но внутреннее устройство их (занятое по большей части из сношений с иноземцами) тогда только могло бы содействовать к просвещению нашему, когда бы ему не противоречило все состояние остальной России. Но при том порядке вещей, который существовал тогда в нашем отечестве, не только Новгород и Псков должны были быть задавлены сильнейшими соседями, но даже их просвещение, процветавшее столь долгое время, не оставило почти никаких следов в нашей Истории, — так несогласно оно было с целою совокупностью нашего быта».¹³

Мысли Чаадаева о древней Руси и о России в целом обнаруживают черты сходства с мыслями славянофилов: «...мы заимствовали первые семена нравственного и умственного просвещения у растленной, презираемой всеми народами Византии».¹⁴ Он подчеркивает крестьянский, деревенский характер древней Руси: «Мир пересоздавался, а мы прозябали в наших лачугах из бревен и глины».¹⁵ Он отмечает азиатскую созерцательность: «Всегда поражала меня эта немота наших лиц».¹⁶ В письме к А. И. Тургеневу он подчеркивает стихийность, бессознательность русской истории: «Мысль разрушила бы нашу историю, кистью одною можно ее создать».¹⁷ Он подчеркивает отъединенность русской истории: «Уединившись в своих пустынях, мы не видали ничего, происходившего в Европе. Мы не вмешиваемся в великое дело мира».¹⁸

Чаадаев перенес распространенную в его время характеристику древней Руси на всю Россию, в том числе и на современную ему, и придал ей резко отрицательное значение. В этом было одно из существенных отличий его взглядов на древнюю Русь от взглядов славянофилов.

Мы не обсуждаем сейчас интереснейшей, важной и далеко еще не оцененной по достоинству философской позиции славянофилов и их общественных воззрений, однако в своих воззрениях на древнюю Русь они были мало оригинальны. Более того, они мешали открытию ценностей искусства и литературы древней Руси и их подлинному пониманию.

Неудивительно, что представления о древней Руси как о крестьянском царстве, в котором и верхи, и низы общества жили одной и той же малоподвижной и в общем низкой культурой, были широко распространены и за пределами славянофильства. В частности, они проникли и в немецкие истории всеобщих искусств: Куглера, Э. Ферстера, Шназе. Эти истории искусств переводились затем на русский язык, и здесь эти ограниченные представления возвращались на родную почву — в Россию, но уже с ярко выраженной враждебной к русской культуре окраской. С этими взглядами боролся еще Буслаев, но отрицательное отношение к древнерусскому искусству и непонимание древнерусской культуры продолжало чувствоваться долго.

¹² «Альгаротти где-то сказал: „Petersborug est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe“» (примечание Пушкина к «Медному Всаднику»).

¹³ И. В. Киреевский. Деятельный век. — Полн. собр. соч. в двух томах, т. 1, стр. 99.

¹⁴ Письмо первое. — В кн.: П. Чаадаев. Философические письма. Казань, 1906, стр. 12.

¹⁵ Там же, стр. 13.

¹⁶ Там же, стр. 10.

¹⁷ П. Я. Чаадаев. Сочинения и письма, т. I, М., 1913, стр. 216.

¹⁸ Письмо первое. — В кн.: П. Чаадаев. Философические письма, стр. 13.

Стоит ли говорить о том, что от Загоскина и до Мордовцева русская историческая беллетристика, разрабатывавшая тему древней Руси, в иных случаях сильнее, а в иных — слабее, находилась под влиянием тех же, выработавшихся еще в начале XIX в. представлений об уравнительном, одинаковом для всех сословий характере культуры древней Руси. Ни по языку, нарочито грубому, мужицкому (пушай, пошто, дюже, не замай, таперича), ни по платью (только более богатому), ни по своим привычкам представители высших сословий не отличались в этой дореволюционной беллетристике от крестьян, ремесленников, купцов. Князь и крестьянин, боярин и крестьянин жили одинаково: разница заключалась в обилии яств, в ценности платья, словом, в важности и количестве издержек, и только.

Следует сказать, однако, что эти ошибочные концепции наших философов и публицистов XIX в. оказали только некоторое влияние на исследователей, исторических романистов, поэтов, художников и музыкантов. Подлинное освоение культуры древней Руси проходило мимо господствовавших концепций. Поэтому огромное значение имеет пристальное исследование того, как памятники культуры древней Руси конкретно отражались в новой русской культуре.

Подлинное отношение новой русской культуры к древней Руси лежит в продолжении тем, сюжетов, мотивов древней Руси, в освоении ее художественных достижений, в художественном проникновении в древнерусскую жизнь, историю и культуру.

Статьи данного тома «Трудов Отдела древнерусской литературы» посвящены конкретным исследованиям претворения памятников древней русской литературы в культуре новой России.

Показать значение литературы древней Руси в новой русской культуре — такова задача этого тома.

В основном статьи выросли на основе докладов, прочитанных и обсужденных на конференции Сектора древней русской литературы Института русской литературы АН СССР, происходившей в мае 1969 г. в Ленинграде и посвященной той же теме, которая стоит в заглавии данного тома.

Д. С. Лихачев.
